

Георгий Дерлугьян¹

НОВАЯ ПАРАДИГМА ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ ДЛЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Диалог цивилизаций — несомненно, утопия. Однако утопии становятся актуальными, когда рушатся прочие утопии. Оглянемся вокруг: что осталось от великих утопий Нового времени? Так, может, прав Фукуяма?

Неолиберальная глобализация, как становится ясно, была последней великой утопией XX в. Она имела поразительно много общего со своим единоутробным собратом и заклятым соперником — марксизмом. В самом деле, марксизм и либерализм родились непосредственно из идей Просвещения. Великие умы той эпохи, от Ньютона до Огюста Конта, были потрясены открытием законов природы и собственной способностью объяснить, а значит, изменить мир. Если согласно знаменитой формуле тех времен Бог — механик и мироустройство постижимо так же, как устройство часового механизма, значит, возможно и необходимо отыскать те кнопки и рычаги, которые управляют нашим миром.

И либерализм, и марксизм постулировали, что все развитие человеческого общества идет по ступеням прогресса. Они лишь спорили с догматическим апломбом о количестве этих ступеней и их определении: рабство—феодализм—капитализм—социализм или аграрное—индустриальное—постиндустриальное общество. Главный же спор был о том, достигнута ли уже высшая ступень модернизации или еще предстоит революционный прыжок в светлое будущее, к социализму, когда история уже точно завершается и наступает окончательное воплощение исторической программы. Марксисты считали двигателем прогресса рабочий класс, либералы — средний. Для первых главным способом исторического движения была революция, для вторых — эволюционная реформа.

¹ Адъюнкт-профессор Северо-Западного университета США, доктор. Сфера научных интересов — историческая социология, этнические войны, анализ мировой системы. Автор монографии "Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-Systemic Biography" (2005) и ряда исследований по геополитике, в том числе "Questioning Geopolitics: Political Projects in a Changing World-System" (2000), «Крушение советской системы и его потенциальные следствия: банкротство, сегментация, вырождение» (2000), «Чеченцы: пояснительная записка» (2004).

Аналогии можно продолжать и дальше, что совершенно не случайно — обе идеологии выстраивали свои позиции в одном и том же интеллектуальном пространстве, только с противоположными знаками. Великий французский социолог Пьер Бурдьё иронизировал, что подлинно мощная догма является нам не сама, а в паре якобы взаимоисключающих антиномий.

Обе стороны марксистско-либеральной догматики достигли зрелого выражения в 1930–1960-е гг. Учебным катехизисом одного лагеря стал «Анти-Дюринг» Энгельса, другого — «Протестантская этика и дух капитализма» Макса Вебера. Обоих классиков при этом покрыли изрядным слоем мертвающей бронзы.

Обе стороны двойной догматики, марксистская и либеральная, были взорваны изнутри в бурный период 1968–1974 гг. Обычные объяснения всплеска молодежного инакомыслия и икоборчества тех лет страдают поверхностностью и излишним вниманием к внешним проявлениям: рок-музыка, переход от официальных костюмов и причесок к джинсам и длинным растрепанным гривам, сексуальное раскрепощение, якобы стимулированное изобретением противозачаточных таблеток. На самом деле все было куда проще и серьезнее. В послевоенные годы начался колоссальный демографический бум, который в сочетании с массивированным государственным инвестированием в науку привел к беспрецедентному развитию образования и исследовательской инфраструктуры. Времена были, конечно, хаотические, но в результате совершенно не случайно произошли прорывы практически на всем интеллектуальном поле — от киноискусства до естественных наук.

Теории хаоса, которые выдвинул нобелевский лауреат по химии, бельгиец русского происхождения Илья Пригожин, не случайно оказываются созвучны идеям многолинейной эволюции биологических видов, которые столь талантливо популяризовали американец (кстати, также русского и венгерского происхождения) Стивен Джей Гулд и эколого-антрополог Джаред Даймонд.

В общественных науках, находящихся между гуманитарным и естественно-научным знанием, произошла собственная, весьма основательная серия теоретических прорывов, начавшихся с сомнения в унаследованной догматике. Американец Чарльз Тилли и норвежец Стайн Роккан, чьи исследования стартовали еще в рамках модернизаторской парадигмы, восстали против собственных наставников и в результате коренным образом изменили наши взгляды на исторические истоки современных государств.

Благодаря Баррингтону Муру, Теде Скочполу и Джеку Голдстоуну совершенно по-другому стали исследоваться революции и истоки демократизации обществ. Никто более всерьез не говорит о том, что революции порождаются классовый борьбой либо массовым психозом толпы.

Новые экономические социологи из Франции, Германии и США, исходя из классических идей Шумпетера и Поланьи, сформулировали весьма перспективные подходы к анализу рыночной деятельности. Вопреки неоклассической модели, которая алгеброй поверяет идеологическую абстракцию свободных рынков, стремящихся к статичному равновесию, выдвинута гораздо более реалистичная теория монополистического соперничества между коалициями предпринимателей за поиск или создание новых рыночных ниш, относительно защищенных от конкурентного давления и поэтому дающих привилегированные нормы прибыли.

Подробное перечисление теоретических прорывов, очевидно, займет целую книгу — которую еще предстоит написать. И все-таки назовем еще несколько знаковых имен и новых теорий. Родившийся в Китае англо-ирландец Бенедикт Андерсон указал на новые подходы к рациональному пониманию феномена национализма.

Уже упоминавшийся француз Пьер Бурдьё отточил концептуальный инструментарий для анализа организации поля культуры и социального структурирования поведения человека в общественных сетях.

Работающий в Англии итальянский социолог Диего Гамбетта и его соотечественники Пино Арлакки, Фортуната Пизелли, а также Федерико Варезе и русский Вадим Волков показали, как рационально, без фобий и теорий заговора, анализировать феномен мафии в Петербурге (стоит ли тут удивляться итальянско-русскому приоритету?).

Теоретический археолог Чикагской школы Тимоти Эрл убедительно и доходчиво суммировал новые знания о долгосрочной эволюции человеческих обществ.

Наконец, американец Иммануил Валлерстайн и итальянец Джованни Арриги создали принципиально новую историко-географическую политэкономическую мировую системы. Список можно продолжать и развивать. Вполне может оказаться, что прав Рэндалл Коллинз, американский социолог исключительно широкой эрудиции и спектра интересов, который считает нашу эпоху самой продуктивной в идейном плане со времен классиков-первопроходцев (Маркса–Вебера–Дюрк-

гейма) и даже Золотым веком исторической макросоциологии.

Однако это всего лишь потенциальная возможность. После теоретических прорывов начала 1970-х наступила эпоха интеллектуальной засухи, длящаяся до сих пор. Причин тому, как всегда в случае сложных исторических колебаний, несколько и они разного порядка — от внутренней организации научного сообщества до политического климата эпохи.

Чтобы работать на уровне Валлерстайна или Тилли, требуются годы труда и проработка изрядного объема литературы. Куда хуже, что после всплеска эмоциональной энергии неизбежно наступает упадок той или иной степени. В последние 20–30 лет упадок эмоциональной энергии оказался весьма глубоким. В том, несомненно, повинно общее разочарование в любых больших идеях и наступление климата рыночного неолиберального эгоизма.

Поскольку данная вера целиком согласовывалась с унаследованным восприятием классики, большинству она казалась естественной и не требующей дальнейших доказательств. Возьмите на шумевший бестселлер Фрэнсиса Фукуямы, который, по сути, есть аспирантского уровня реферат о Гегеле и достижении венца истории. Как иначе объяснить мгновенное вознесение самого Фукуямы до статуса гуру, если не глубинным соответствием его тезиса собственному мироощущению западных элит в момент столь неожиданного для них избавления от угрозы коммунизма?

Здесь становится хорошо виден второй источник силы неолиберальных идей — мощная материальная и пропагандистская поддержка ведущих западных политиков и финансовых кругов, которые после кризисов 1960–1970-х гг. обрели второе дыхание.

И все-таки просто по заказу элит успешные идеологии не возникают, как бы хитроумные политтехнологи ни убеждали в обратном своих клиентов. Всплеск иконоборчества образца 1968 г. — как на Западе, так и в советском геополитическом блоке — был на деле первой мировой революцией не по Марксу, а, скорее, по Максиму Веберу. Восставали не пролетарии против буржуазии, а молодые образованные специалисты, более не желавшие покорно сносить бюрократический кретинизм и мелочную патерналистскую опеку боссов и начальников.

Отсюда и такой безудержный переклест в анархические проявления, нарушение всякой дисциплинарной субординации, а также уход в религиозную и квазирелигиозную романтику — в противопоставление обыденности. Обратите внимание, что основатели Аль-Каиды (если взять самое крайнее проявление) ведь тоже не из самых необразованных слоев общества. Это как раз и есть крайний фланг образованных элит исламского мира. Их безумно утопический и разрушительный вызов направлен в первую очередь против своих же правителей и только затем против покровительствующей им Америки.

Самонадеянно и пагубно отметать неолиберализм как простую идеологическую диверсию.

Это была именно последняя из великих утопий современности, равно как и марксизм, растущая из самих основ современной цивилизации — притом не только западной, но и других великих цивилизаций мира. Ценности, к которым взывал неолиберализм (как и марксизм), имеют общемировое значение. Иначе как объяснить притягательность идей либерализма и марксизма для стольких китайцев, индусов, турок, арабов, русских, наконец?

Беда с любой утопической верой не только в том, что она оправдывает насильственную ломку общественных отношений — во имя чего-то великого в будущем. Но не будем забывать: утопия еще и оправдывает власть тех, кто проводит ломку. Неолиберальная глобализация вполне закономерно вызвала такой рост антиамериканизма по всему миру именно потому, что и в самом деле вела к ломке политических и экономических структур прочих стран мира путем непосредственного предписания (как, скажем, в программах МВФ) и менее персонифицированного, но ничуть не менее жесткого конкурентного давления.

Речь вовсе не идет о революционном сломе неолиберального капитализма. Эта модель существовала уже почти три десятилетия и зашла в тупик вместе со своей несущей структурой — гегемонией США. Скорее, если воспользоваться афористичным выражением британского экономгеографа Дэвида Харви, встает вопрос о «спасении капитализма от неолиберализма», о стабилизации и о цивилизации мировых рынков, и о желательном безболезненном выходе США как основного элемента миросистемной архитектуры из режима мировой гегемонии.

Но все это останется благими пожеланиями, если социальные науки не смогут подкрепить цели серьезным и реалистическим анализом того, от какого начала и в каких вероятных направлениях развивается наш мир, как могли действовать механизмы социального (в самом широком смысле) воспроизводства отдельных народов и всей миросистемы.

Сегодня организация мировой науки такова, что непропорционально большие силы и ресурсы оказались сосредоточены именно в США. Это, конечно, одно из последствий голодных лет недофинансирования науки и образования, поразившего подавляющее большинство стран мира. В американские университеты в последние десятилетия переселялись целые научные школы, причем не только из бывшего СССР, но даже из Великобритании и Франции. Возможно — пока лишь в теории — что в ближайшие годы тренд будет разворачиваться в противоположном направлении. Отчасти это вопрос финансирования.

Известный русский экономист из Гарварда Александр Гершенкрон еще в 1950-е гг. сформулировал теорию «преимущества отставания». Представьте себе, что вы сзади приблизились к автомобильной пробке. Те, кто застряли в ней первыми, не могут видеть обходных путей, а если бы и увидели их, то слишком зажаты в голове пробки, чтобы совершить маневр. Отставшие герои, как учил Гершенкрон, всегда идут в обход.

Имена авторов теоретических прорывов, которые я перечислил ранее, конечно, хорошо известны на Западе. Если бы существовала Нобелевская премия по социологии, то в списке ближайших кандидатов на нее, несомненно, значились бы и Тилли, и Бурдые (увы, уже посмертно), и Валлерстайн, и Арриги, и Рэндалл Коллинз. Но все эти великие ученые остаются где-то вне ремесленного мейнстрима, куда их идеи с трудом умещаются. Куда важнее то, что теоретические прорывы в макроисторическом понимании общества никак не согласуются с неолиберальным видением мира как конкурентной арены атомистических индивидов. Поэтому хотя имена известны и почитаемы, продолжения исследовательских программ практически не наблюдается. Вот здесь и видится тот путь, по которому можно сманеврировать в обход затора. Возможно, тогда откроется выход из современного мирового тупика.